

2
Детская
Библиотека
3

№ 3

МАРТ
1940
ГОД ИЗДАНИЯ
ШЕСТНАДЦАТЫЙ

XV 461
T

Мурзилка

ОРГАН ЦК ВЛКСМ

ЖУРНАЛ ДЛЯ ШКОЛЬНИКОВ МЛАДШИХ КЛАССОВ

ДЕТИЗДАТ ЦК ВЛКСМ

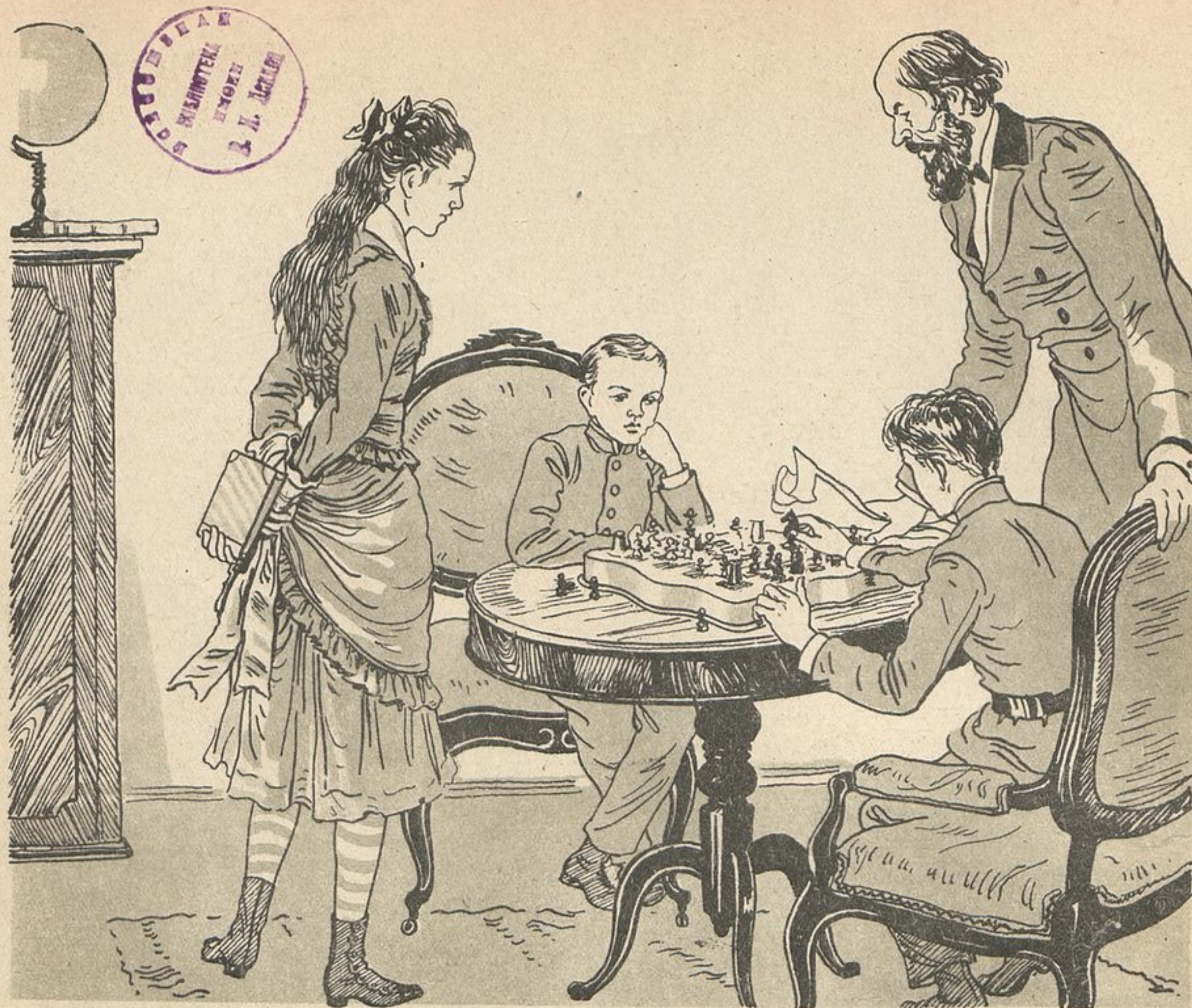

Рисунок Б. Дехтерева

Семьдесят лет назад, 22 апреля 1870 года, в городе Симбирске родился Владимир Ильич Ленин — самый великий из всех людей, которые жили на земле. Ленин основал партию большевиков и Советское государство. Во всем мире миллионы трудящихся знают Ленина, помнят Ленина, любят Ленина. Дело Ленина продолжает его великий друг — товарищ Сталин. Каждое слово Ленина, Сталина помогает трудящимся всех стран бороться и побеждать.

Здесь художник нарисовал семью Ульяновых. Володя играет в шахматы со своим братом Сашей. У стола стоит отец и сестра Анна Ильинична. Она написала книгу «Детские и школьные годы Ильича». В этой книжке рассказано:

«Шахматы любил наш отец, и любовь эта передалась всем братьям. Для каждого из них была радость, когда отец звал их к себе в кабинет и расставлял шахма-

ты. Шахматы эти, которые отец очень берег и которыми все мы восхищались в детстве, были выточены им самим на токарном станке еще в Нижнем Новгороде, до переезда в Симбирск...

Володя играл в шахматы с отцом, с братом Сашей. Мы, девочки, играли меньше. Помню только одну осень, когда мы все — отец и мы, трое старших, — очень увлекались четверными шахматами и просиживали за ними поздно по вечерам. Но, когда начались регулярные занятия, пришлось, конечно, оставить эту игру, которая обычно очень затягивалась.

Относясь ко всему серьезно, Володя и шахматную игру стал изучать, как и старший брат, по руководствам и позднее играл очень хорошо. Игра эта скрашивала для него часто вынужденную жизнь в деревне, в провинции, а после — в ссылке...»

МЫ ВАС ЖДЕМ, ТОВАРИЩ ПТИЦА! ОТЧЕГО ВАМ НЕ ЛЕТИТСЯ?

В. Маяковский

Рисунок В. Константинова

Несется клич
со всех концов,
несется клич
во все концы:
— Весна пришла!
Даешь скворцов!
Добро пожаловать, скворцы!
В самом лучшем месте
самой лучшей рощи,
на ветке
поразвесистей
готова жилплощадь.
И маленькой птице
с большим аппетитцем
готовы
для кормёжки
и зерна
и мошки.
Из-за моря,
из-за леса
не летят скворцы,
пока
пионеры
сами лезут
на берёзины бока.
Один
с трубою на носу
уселся
аж на самый сук.
Вспорхнуть бы —
и навстречу
с приветственной речью.
Одна заминка:
без крылышек спинка.
Грохочет гром
от труб ребят,
от барабана шалого.
Ревут,
кричат,
пищат,
трубят.
— Скворцы,
добро пожаловать! —
Бьют барабаны бешеной.

Скворцы
погоды вешней
заждались за лесами,
и в ждании безутешном
ребята
по скворешням
расположились сами.
Слетит
скворец
под сень листов,
сказать придется:
— Нет местов. —
Хочу,
чтоб этот клич
гудел
над прочими кличками:
Товарищ,
пионерских дел
не забывай
за птичьими.

КЛАД В КРЕПОСТИ

Все знают стихи «Что такое хорошо и что такое плохо», «Кем быть», «Конь-огонь», «Возьмем винтовки новые». Эти стихи и много других написал великий поэт нашего времени Владимир Владимирович Маяковский.

14 апреля 1940 года исполнилось десять лет со дня смерти

Владимира Маяковского. К этой годовщине Детиздат выпускает повесть писательницы Н. Кальма «Большие шаги».

Здесь мы печатаем отрывок из этой повести — о том времени, когда Володя Маяковский был маленький и жил на родине — в Грузии, в селе Багдади.

НЕМНОГО в стороне от селения Багдади, на холме, стояла старинная развалившаяся крепость. От нее оставался только земляной четырехугольный вал на вершине холма. Внутри вала был двор с ореховыми и фруктовыми деревьями и дом с двумя балконами. В этот дом и переселился лесничий со своей семьей.

Володе сразу понравилось новое жилье.

Старые стены крепости густо заросли плющом, в углах были накаты для пушек, а в валах проделаны бойницы. Здесь можно было отлично играть в разные приключения и в войну. Во рву, за стенами, водились змеи, но Володя их не боялся.

— Мы будем охотиться на змей, — сказал он Оле, обегав все закоулки крепости. — А если на нас нападут враги, мы запремся, выставим ружья в бойницы, и нас никто не сможет победить! Посмотри, какие здесь крепкие ворота.

— Да кто же станет на нас нападать? — с недоумением спросила Оля, любившая во всем ясность. — Здесь кругом все свои, знакомые.

— Ну, а если нападут? — настаивал Володя. — Понимаешь, выходим мы утром на балкон и видим: стоят под горой солдаты в золотых мунди-

рах, а впереди, на черной лошади, командир. Командир велит солдатам взять нашу крепость, и они...

Оля перебила его:

— Солдаты не носят золотых мундиров, — сказала она уверенно, — солдаты ходят в серых шинелях.

— Это не наши солдаты, а иностранные. — Володя упрямо сжал губы.

— Все равно. Никакие солдаты не носят золотых мундиров, — твердила Оля. — Я знаю!

— Ну и знай на свое здоровье! — вспыхнул вдруг брат. — Тебе рассказывать — все равно что корове цветы показывать.

— Ну и не рассказывай, пожалуйста, — обиделась Оля. — Кому нужны твои небылицы? Сидишь, как филин, молчишь, молчишь, глазами ворочаешь, а потом начинаешь разную чепуху молоть.

Брат с сестрой готовы были всерьез поссориться, но в этот момент послышался голос отца:

— Скорей сюда! Интересная находка!

Дети бегом бросились к дому.

Отец стоял у калитки и разговаривал с двумя

грузинами. Один был хозяин дома — виноторговец Гвеселиани, другой — рабочий, нанятый хозяином копать ямы для глиняных кувшинов, в которых хранилось вино.

— Посмотрите, что они нашли в земле, — сказал отец, подавая детям что-то на раскрытой ладони.

— Монеты! — в один голос воскликнули Володя и Оля. — Откуда они?

Это были действительно три небольшие серебряные монеты, потемневшие от долгого пребывания в земле. Рабочий нашел их, роя канаву, почти у самого дома. Он показал детям место, где они лежали. Володя тщательно оттер монеты мелом, и на них теперь можно было разглядеть полумесяц и незнакомые письмена.

— Это очень старинные турецкие монеты, — сказал отец. — Некогда турки владели Кутаисом и всеми крепостями близ него. Наверное, какой-нибудь воин зарыл здесь свои деньги.

Клад!

У Володи заблестели глаза. Он вполголоса сказал сестре:

— Когда дади всеа уйци дутса, мыци стаса немци коса патыци дальса шеци.

Оля закивала головой. Это был их собственный тайный язык, который Володя изобрел, чтобы говорить с сестрой при посторонних. К русским словам, разбитым на слога, он прибавлял грузинские окончания «са» и «ци». На обыкновенном языке это должно было означать: «Когда все уйдут, мы станем копать дальше».

Володя едва мог скрыть свое возбуждение. Он со страшным нетерпением ждал, чтобы все ушли.

Наконец тучная фигура Гвеселиани скрылась в доме. Отец и рабочий отправились в селение.

Оля быстро схватила брата за руку:

— Принести лопаты?

Найденные в земле монеты раззадорили и ее. Но Володя сказал серьезно:

— Это не так просто. Надо еще сначала изучить местность.

Он долго ходил один вдоль стен крепости. Обследовал канаву, в которой нашли монеты, нашел уступ, засыпанный землей и покрытый мхом. Решил, что именно здесь зарыт турецкий клад.

К раскопкам приступили на рассвете. Туман еще лежал в долине, когда двое заговорщиков с лопатами в руках подкрались к уступу.

Земля была каменистая. Копать было трудно, и на лицах брата и сестры выступили крупные капли пота. Но Володя копал без отдыха, упрямо сжав губы, с каким-то ожесточением.

— Я устала, — жалобно простонала Оля, — и

потом тут ничего нет. Мне попадаются только корни.

Володя поднял разгоряченное лицо.

— Иди! — зло сказал он. — Можешь не возвращаться. Я хотел по-братски разделить с тобой клад, а теперь ничего тебе не дам. Ты просто кислятина!

Оля хотела сказать что-нибудь такое же обидное, но в это мгновение земля под ее ногами издала легкий шум и поползла вниз.

— Смотри! — закричал Володя. — Подземелье!

Оля в страхе отпрянула назад. Круглая воронка чернела теперь на месте той ямы, которую они раскопали.

— Веревку! — скомандовал Володя. — Я спущусь в подземелье, а ты жди с веревкой наверху. Если я крикну, ты меня вытащишь.

Он притащил из дома толстую веревку, привязал к ней камень и измерил глубину воронки. Она была не очень глубока, так что можно было без большого риска просто спрыгнуть вниз.

Володя так и сделал. Голова его исчезла в яме.

До Оли донесся его чуть приглушенный землей голос:

— Бросай сюда лопаты и спускайся сама. Я помогу тебе.

— А что там? — спросила Оля нагнувшись.

— Наверное, подземный ход. Скорей спускайся, будем копать дальше.

Когда Оля спустилась в подземелье, ей показалось, что это просто старая яма для хранения вина. Но Володя был так взволнован, что она боялась его насмешек и ничего не сказала.

Раскопки продолжались три дня.

На третье утро, когда, перепачканная землей, усталая и злая, Оля совсем уже собралась вылезать из ямы, лопата Володи ударилась обо что-то твердое. Раздался звон металла. Володя тяжело задышал и взглянул на Олю:

— Ты слышала?

Оля кинулась к этому месту и принялась разгребать землю руками. Володя молча помогал ей. Наконец руки их нащупали какой-то небольшой, но тяжелый предмет. Володя очистил налипшую на него землю.

— О-о... — протянула Оля. — Подкова! Самая обыкновенная лошадиная подкова. Вот тебе турецкий клад! — и она с насмешкой взглянула на брата.

— Ничего, — упрямо сказал Володя, и, прикинув на руку тяжелую, почерневшую от времени подкову, он бережно завернул ее в носовой платок.

Общая тетрадь

В НОВОЙ ШКОЛЕ

Широкие аллеи,
Каштаны над прудом...
Средь зелени белеет
Высокий панский дом.

Еще совсем недавно,
Подняв вина стакан,
Здесь пировал с друзьями
Ясновельможный пан.

Еще совсем недавно,
В отчаяньи немом,
Крестьяне изнывали
Под панским сапогом.

Теперь здесь в доме школа!
Сегодня в первый раз
Веселою гурьбою
Пришли ребята в класс

И дружно написали
Уверенной рукой:
„Прими от нас спасибо,
Наш Сталин дорогой!“

Сева Бойцов, 10 лет, Москва.

Трое учеников нашего класса сорвали нам урок. Во время большой перемены Михайлов Миша и Горенков Гера залезли под парту Рудавин Юра закрыл их пальто. А на уроке, когда в класс вошла учительница, все ребята смеялись и смотрели в сторону Юры. Учительница спросила, почему в классе шумно, но никто не хотел объяснить причину. Тогда мы с Олей сказали, почему смеются ребята. Учительница попросила Мишу, Геру и Юру выйти из класса, но они отказались. Только в середине урока они вышли. Почти целый урок пропал даром. Долго после этого большинство ребят нашего класса называли нас всякими обидными словами. Многие из них — пионеры, но мы думаем, что поступили правильно.

Оля Ручкина, Галя Перова, Владивосток.

Очень бережно я отношусь к своим книгам и тетрадям. Я обвертываю их в бумагу, чтобы они не пачкались. Однажды на уроке арифметики Миша Войнов попросил у меня тетрадь списать задачу, я не дала ему. Тогда на другой день он нарочно испачкал мне книжку. Учительница спросила у него: „Это ты сделал?“ А он сказал: „Нет“. И никто его за это не наказал. А теперь он и его товарищ дразнят меня „чистюля“, дразнят потому, что им не нравится, что у меня всегда чистые тетради и учительница хвалит меня за это.

Маня Карпова, 607-я школа, Москва.

Рисунок Вовы Антонова, 10 лет, Москва.

К нам в класс пришла новая учительница Ольга Александровна. Она нам сразу очень понравилась. В первый же день после уроков она провела с нами беседу, как надо относиться к занятиям в классе и к домашним заданиям. Много отстающих учеников было у нас в классе. Особенно плохо учился и много баловался Вальков. Мы объявили между собой соревнование. Я соревнуюсь с Зубиковым. Теперь мы стали учиться лучше, и дисциплина у нас стала хорошая. Мы любим нашу строгую, но справедливую учительницу Ольгу Александровну.

Виталий Ведерников, Ростов-на-Дону.

Рисунок Тани Гороховой, 6 лет, Московская область.

Мы учимся в третьем классе „А“. Класс наш краснознаменный.

Наша учительница Анна Михайловна Кузнецова — заслуженный педагог РСФСР. Мы все очень любим Анну Михайловну. Она учит ребят в школе пятьдесят лет. У нас есть девочка Кадобнова. Так вот мама и бабушка Кадобновой тоже учились у Анны Михайловны.

Мы приходим в школу немного раньше звонка, повторяем с отстающими уроки. Дежурная просматривает, есть ли у всех ручки, тетради, карандаши.

Мы охотно делимся с товарищами школьными принадлежностями. Этому нас научила Анна Михайловна.

К нам поступил мальчик Валя Карпушин. Он учиться не любил, был груб и невоспитан, часто вместо ответа показывал нам кулак или язык. На уроках шалил, писал ребятам записочки. Все ребята

Рисунок Вали Ткачевой, 8 лет, Москва.

помогали ему исправляться. Анна Михайловна ласково обходилась с ним, и Карпушин мало-помалу стал исправляться. Он стал готовить уроки, полюбил арифметику. Теперь Карпушин учится хорошо, а если шалит, то на перемене, и то немного.

Вместе с Анной Михайловной мы разучиваем пьесы и показываем их на школьной сцене. Пьесу „Дружба“ нам пришлось повторять несколько раз в школе и в клубе фабрики имени Бабаева.

Баловаться нам некогда — все заняты делом. Красное знамя мы крепко держим с первого класса и никому не отдадим.

Женя Яковлев, Толя Стефановский, 315-я школа, Москва.

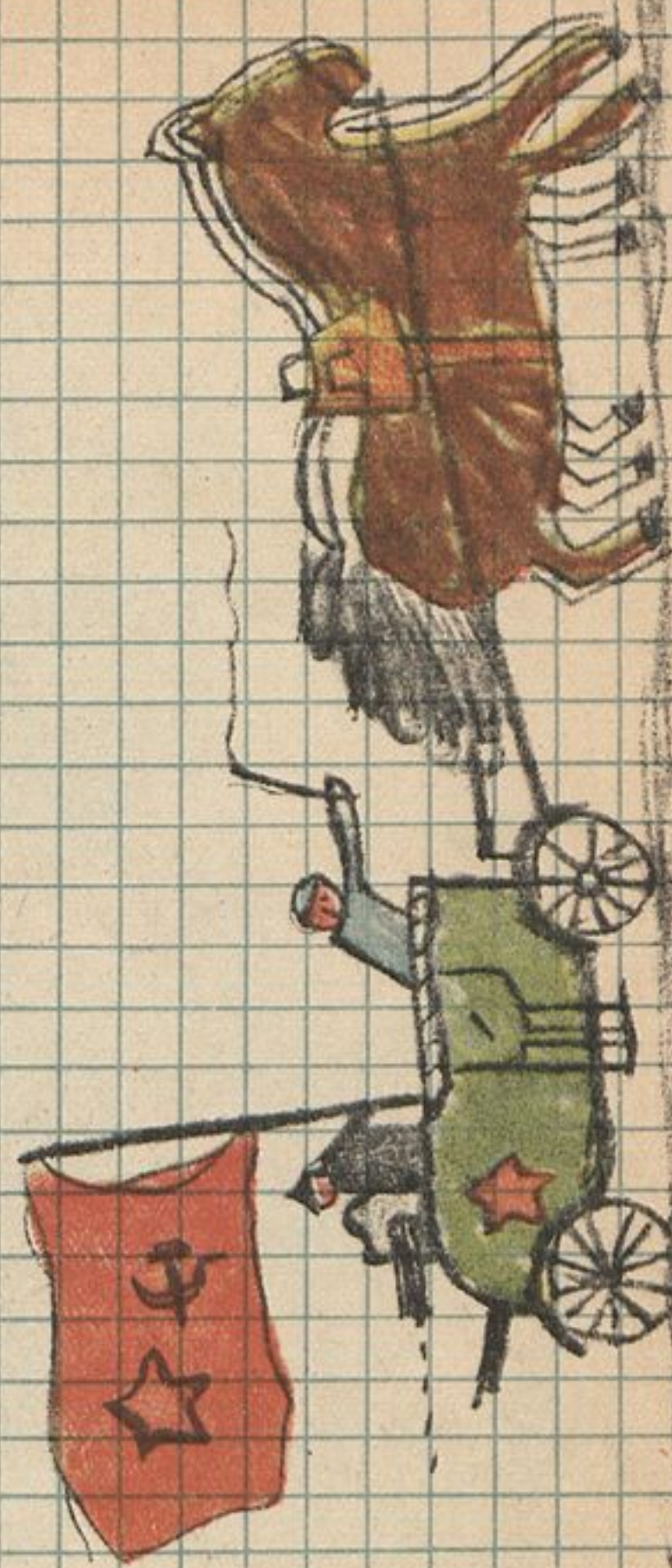

В наш класс пришел новичок, по национальности цыган. Он очень плохо говорил по-русски. Вначале многие ребята смеялись над ним, но учительница объяснила нам, что это плохо. Мы стали помогать ему учиться говорить по-русски: читали с ним вместе стихи, повторяли трудные слова, помогали ему учить грамматику. Теперь он стал лучше говорить по-русски. Отметки у него хорошие. Он мечтает, когда вырастет, стать танкистом.

Люба Данилова, 604-я школа, Москва.

Каждый день утром перед школой я и моя сестра Клара делаем физкультурную зарядку. Мы хотим вырасти сильными и здоровыми. Мы попросили нашего соседа физкультурника взять над нами шефство. Он согласился. Он показывает нам новые упражнения, следит, чтобы мы их правильно делали. Я рассказал ребятам нашего класса, как хорошо себя чувствуешь после утренней зарядки и обтирания. Многие последовали нашему примеру.

Виктор Клейн, 69-я школа, Москва.

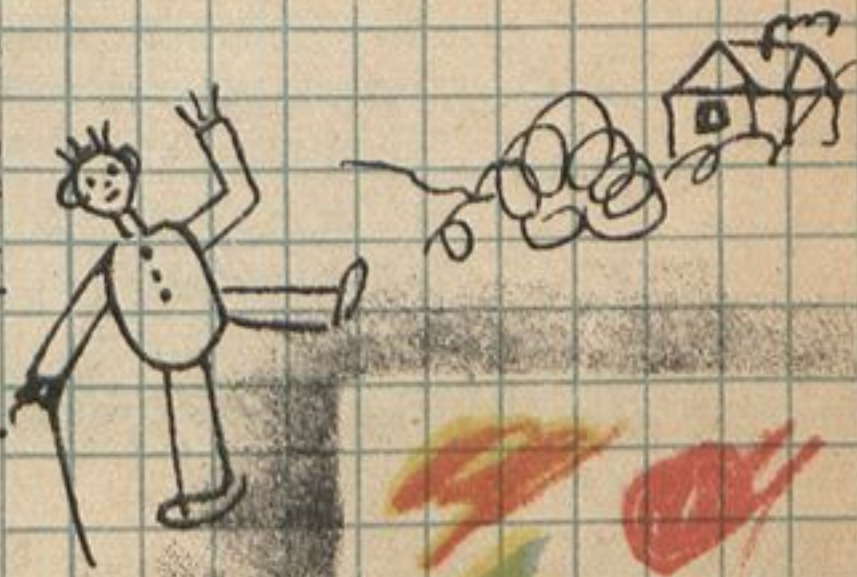

555555

14 + 7 = 21

26 - 15 = 11

Е. Трутнева

Рисунок М. Михаэлис

ВЕТЕР-ВЕТЕРОК

Пробежался по траве,
Прыгнул на дорогу
И на чьей-то голове
Волосы потрогал.
Кувыркнулся на мосту,
Проскакал по рынку
И к собачьему хвосту
Прицепил былинку.
Без билета сел в трамвай,
По реке поплавал,

А потом крутить давай
Под окошком травы.
Ходит ветер-ветерок,
Белой шторкой машет,
Ветер взял да и помог
Эскадрилье нашей:
Полетели в облака,
Высоко над нами,
Три раскрашенных змейка
С длинными хвостами.

Мальчик в тарелке

Е. Тараховская

Рисунок В. Таубера

Я ем теперь, ребята,
Всегда и всё до дна.
И в этом виновата
Тарелочка одна.

Однажды суп перловый
К обеду дали мне,
И вот в тарелке новой
Увидел я на дне:

Стоит в лесу сосновом
Избушка в три окна,
И снег там нарисован
И желтая луна.

Раскрашенные двери
В том домике лесном,
Раскрашенные звери
Гуляют под окном.

И дым, как настоящий —
Прозрачный, голубой, —
Летит над синей чащей
И вьется над трубой.

И мальчик мимо дома,
В ушанке меховой,
Бежит такой знакомый,
Как будто бы живой.

Бежит он по тропинке
Как будто бы ко мне...
В тарелке на картинке —
На самом-самом дне.

И вот, чтоб встретить снова
И мальчика лесного
И домик в три окна,
Я дал такое слово:
Всегда всё есть до дна!

Время начинать! Вот с этой страницы! Раскройте ее и входите в наш цирк! Вход всем читателям „МУРЗИЛКИ“ бесплатный!

Музыка, марш! Представление начинается! Участвует вся труппа. Музыканты наверху уже надули щеки, грянули в трубы, ударили по струнам, грохнули в барабаны. Теперь не зевай смотри! Ушами не хлопать, бить только в ладоши!

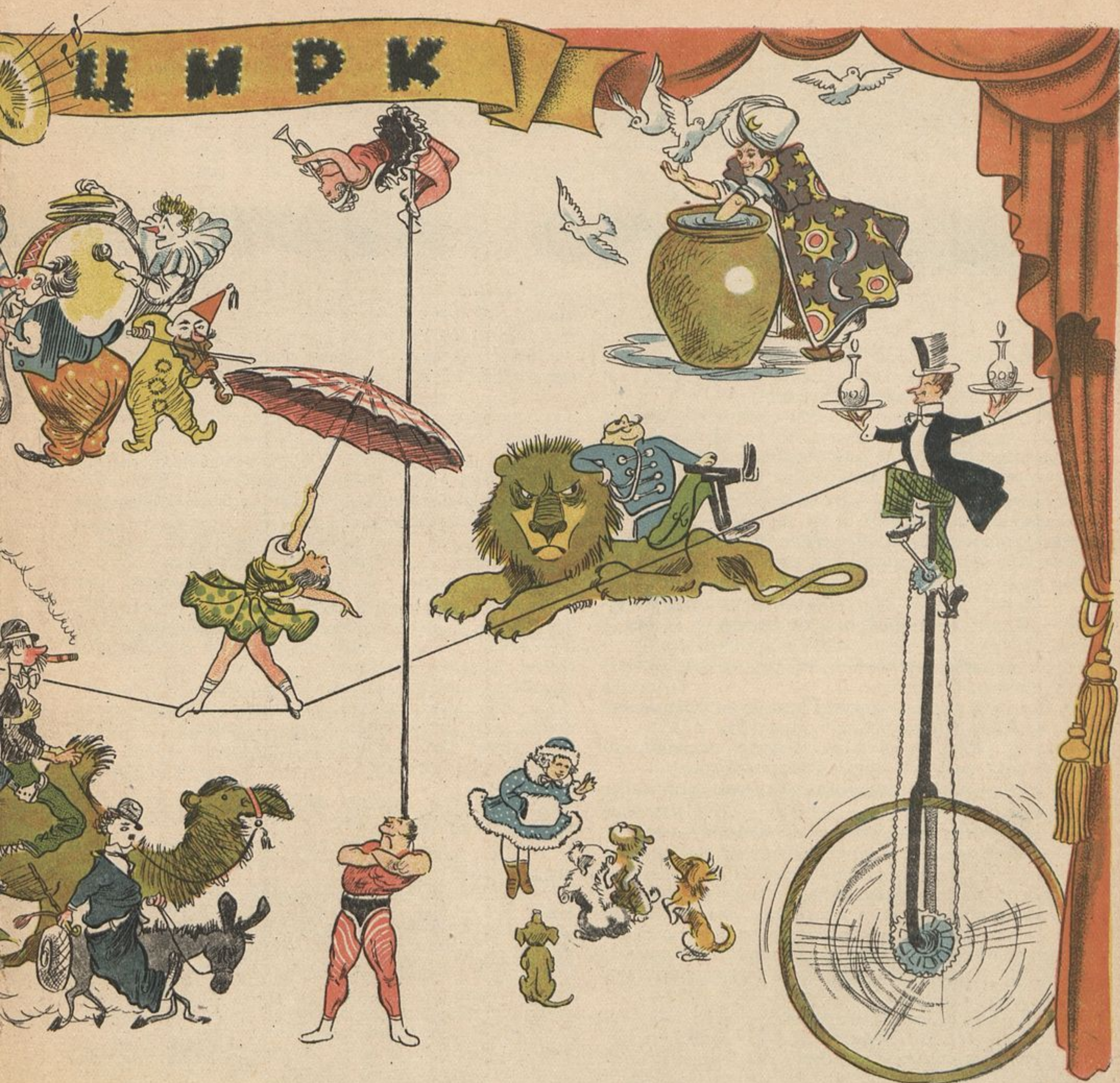
Уважаемые граждане читатели! Мы вам показываем нашу лучшую цирковую программу!

Але-гоп!.. Наездник-ковбой, ноги ножницами, голова на седле! Мчится по арене-странице сильный конь. Але-гоп, галоп!

Фокусник-волшебник-колдун-чародей, знаменитый артист Кио! Из каждого рукава — по шести голубей! В кармане полно чудес. Махнет рукой над пустой чашей, а в ней уж воды до краев. Bravo, Кио!

Храбрый дрессировщик! Дикие львы его слушаются, как отличники — учителя.

Мачта на колесе, на мачте ловкий жонглер.

Рисунки М. Храпковского

Всё у него вертится. Только голова не кружится.

Ученые собачки, морской лев, образованный слон на шаре. Не всякий человек так сумеет!

Под самый ясный месяц забралась акробатка Мери и распевает во все небо.

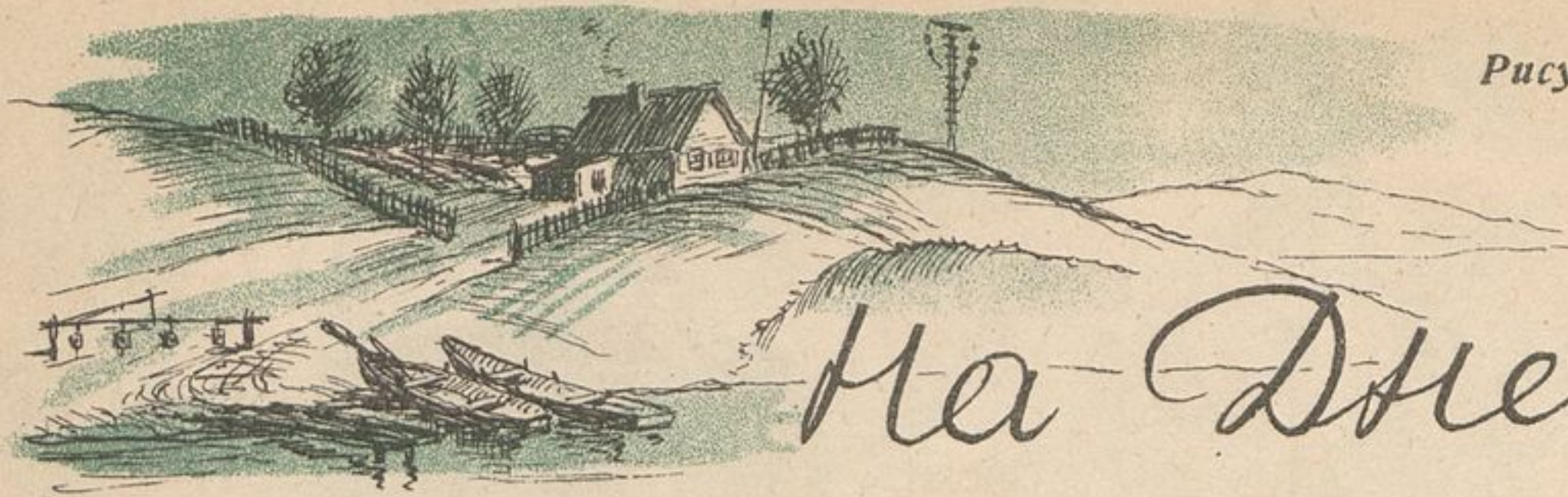
Играет с огнем быстрорукий клоун; как мячики, летят огни...

А-а, здорово, друзья!.. Старые знакомые — Пат и Паташон — на двугорбом верблюде, по

горбу на брата. И рядом наш любимец — милый, смешной Чарли! Приделал к своему ослику запасное колесо. Браво, Чарли! Бис!..

У нас в стране любят, у нас уважают веселое искусство циркачей, их смелое и хитрое умение. Лучшие артисты цирка носят ордена Советской страны. Привет вам, славные и храбрые артисты! Браво!

Представление окончено! Выход справа, на следующую страницу.

На Днепре

На крутом высоком берегу Днепра, на самом обрыве, стоит белая хата. Сорок лет живут в хате дед Никифор и бабка Домаха.

Бабка корову доит, гусей и цыплят кормит, в огороде подсолнухи и мак сеет, а дед в челноке по Днепру плавает, куги — фонарики сигнальные — зажигает, чтоб пароходам дорогу показывать. Дети у них давно уже выросли и по разным городам разъехались.

Вот однажды весной, когда зацвели в садике вишни, а в лозняк прилетели дикие утки, сказала бабка деду:

— Давай, дед, в Москву письмо напишем! Пускай соберет дочка внучат да пришлет к нам в гости.

Сели и написали письмо, а утром дед бросил его в почтовый ящик.

Отцвели в садике вишни, зелеными сережками повисли на дереве ягоды.

Пошла бабка Домаха на огород рассаду сажать, а навстречу ей — письмоносец Яша.

— Здравствуйте, товарищ Домаха, получайте телеграмму!

Взяла бабка телеграмму, перевела дух и прочитала: «Встречайте внучат вечерним пароходом. Дочка».

Некогда бабке: надо тесто на пироги ставить. Подбила она опару, а деду велела мак в горшке мять. Сидит дед на завалинке, трет мак, а сам о чем-то приятном раздумывает, глядит в сторону и улыбается. Замечтался да дно в горшке и выдал.

«Ох, — думает, — будет же мне теперь от бабки Домахи! Лучше б я совсем на свет не родился!»

А бабка пришла, на битый горшок чуть глянула:

— Сейчас новый вынесу — этот старый, пора ему на помойку!

Ох, и добрая же нынче бабка Домаха! Даже удивительно. Напекла бабка пирогов целую гору: с творогом, с маком, с зеленым луком.

Дала деду самый маленький пирожок попробовать и приказала:

— Собирайся, старый, пора к пароходу ехать!

— Сейчас соберусь, — отвечает дед. — Вынь-ка мне из сундука новые брюки в полоску.

— Еще чего выдумал! — рассердилась бабка. — Не дам я брюки! Ты их на челне живо смолой измажешь!

— Да я в лодке поеду, а лодка крашеная.

Нечего делать, открыла бабка сундук и вытащила брюки. Нарядился дед и пошел.

Только он за плетень, а бабка оглянулась и опять в сундук полезла. Достала белую вышитую сорочку, платок шелковый. Оделась, платок перед зеркалом завязала. Ох, весела нынче бабка Домаха! Сердце у нее чижином прыгает, скачет. Еще месяц на небо взойти не успел, а уж бабка внучат дорогих обнимает.

Рано утром прибежал из колхоза Коля Лукеркин. Лег в траву у плетня, большим лопухом прикрылся и ждет: охота ему на московских гостей поглядеть. Зовут их как — он уже разведает: Саша и Талечка, а в лицо еще не видал. А в хате тихо, синие ставенки закрыты.

«Вот сони!» только подумал Коля.

А тут сразу на крыльцо вышли мальчик и девочка, а за ними бабка Домаха. Ничего себе мальчик! Пока бабка в двери пролезла, он три раза кругом себя перевернулся, рот до ушей разинул и кричит:

— Ой, бабушка! Ой-ой-ой! Как хорошо тут!

Бабка им говорит:

— Ну, идите гулять. Да на солнышке не сидите: голова заболит.

Пошел мальчик с сестренкой мимо плетня, к тому месту, где лежал Коля. А Коля подставил ножку и ждет. Ждет и думает: «Упадет Сашка — будет драка. Раз драка — значит, и знакомство».

Саша и впрямь споткнулся о ногу Коли, еле на ногах устоял, а драться не стал. Пошел со своей Талечкой мимо и сел на песке под яблонькой.

— Ладно, — буркнул Коля, — больше я за тобой ухаживать не буду. Захочешь — так сам познакомишься, — и лег в траву.

Накопал Саша песку и говорит Талечке:

— Давай строить дачу!

Коле надоело валяться в траве. Поскакал он галопом с обрыва — и бултых в воду! Проплыл раз, проплыл два и оглянулся: видят московские ребята, как он плавает замечательно, или нет? А Саша ему кричит:

— Мальчик! Давай вместе купаться!

— Давай, — отвечает Коля.

— Поплывем на спине вон до тех кустов. Ладно?

Мальчики поплыли, а Талечка по берегу побежала. А тут и бабка Домаха вышла на обрыв и кричит:

— Ну вот и подружались! Вот и хорошо!

Под вечер поехал дед Никифор ставить фонари и взял с собой ребят. Колю посадил на руль, Сашу — на весла, а на нос челнока поставил четыре фонаря.

На середине реки Саша спросил деда:

— Дедушка, а тебе не надоело каждый день куги зажигать?

Дед усмехнулся:

— Нет, милый, не надоело. Я привык: сорок лет уже на Днепре хозяйничаю. Мои куги парходам нужны: без них ни пассажирский, ни буксир не пройдет. Гляди, вон Ведьмина коса куда вылезла, а с того берега — Коровья. Не зажгу огонька — парход ночью побежит да на эти мели и станет.

— Дедушка, а какой у нас самый лучший парход?

— «Юный»! — закричал Коля. — Правда, дед, самый лучший «Юный»?

Дед погладил усы:

— Правильно. Парходы у нас все ничего, добрые парходы. А «Юный» все-таки лучше всех. Красавец, двухэтажный! Недавно только построен. На-днях в первый рейс бежит.

— А кто на нем в первый раз поедет?

— Хорошие люди поедут. Комсомольцы-стакановцы, отличники-пионеры, красноармейцы. Уж мы тогда стекла в фонарях почистим, а может, новые вставим, чтоб ярче светили, а?

— Давай лучше новые, — сказал Саша.

Когда устанавливали последний фонарь, солнце уже село. В заливе запели лягушки, и у самой кормы челнока плеснулась большая рыба.

— Ишь, полунощница!.. Спать пора! — приказал дед.

Утром подоила бабка корову, идет с полным подойником, а навстречу опять письмоносец Яша. Газетой машет и зубы скалит:

— Хорошие новости! Вот здесь читайте!

Прочла бабка две строчки, забыла про молоко, бежит в хату и кричит:

— Вставайте скорее! Нынче «Юный» бежит!

Дед сразу на берег подался, и ребята за ним побежали. Челнок вымыли, фитили почистили, стекла новые вставили.

До обеда провозились, а в обед дождь пошел, на обрыве глину размыло. Полез дед наверх, да второпях поскользнулся, упал и ногу вывихнул. Хочет встать — и не может: болит нога.

Саша и Коля около него вьются, а помочь не могут. Кликнули бабку Домаху. Прибежала бабка и сразу давай ругаться:

— Эх ты, медведь косолапый, а прыгаешь, словно воробей! В такой день и не поберегся!

Еле-еле втащили деда в хату и уложили на кровать.

Лежит дед Никифор под кожухом хмурый и молчит. Талечка в уголке с куклой возится, а Саша и Коля вышли на крылечко, сели и притихли.

Дождь льет, как из решета сыпет. В двух шагах ничего не видно. На душе невесело.

Бабка Домаху прибралась, обула дедовы чоботы, вышла на крыльцо и говорит:

— Смотрите, хлопцы, за Талечкой и за дедом приглядывайте: не слез бы с кровати. А я в колхоз побегу, попрошу, чтоб прислали человека фонари зажечь. Не может «Юный» впотьмах бежать.

Ушла бабка, а дождь еще сильнее полил. Молния ни на минуту не потухает, а ветер так и рвет, так и рвет.

Коля говорит:

— Зря бабка пошла. Нету людей в колхозе. Еще вчера с утра все косить уехали. Одни ребята в яслях остались.

Саша нахмурился:

— Коля, что же будет?

— Плохо будет. «Юный» — парход громад-ный. Ему без куги никак не пройти. Беда будет!

— А дед?

— Дед от горя с ума сойдет, вот увидишь! Он чуть не сто лет куги зажигает и ни разу не прогулял. Ни один буксир на нашей воде на мели не встал. И вдруг «Юный»! Такой парход! Его, может, целый год строили, а он сядет на мель и пробоину даст?!

— Коля! Давай мы с тобой поедем, а?

— В такую бурю? А как на середине реки перевернемся?

— Ну и что же? Перевернемся и выплывем. Я и реку переплыть могу!

— А я, думаешь, нет? Поехали!

Саша стукнул в окно и сказал шопотом:

— Талечка, мы сейчас уйдем! Ты плакать не будешь?

— Не уходи-те! Буду плакать!

— А я тебе мои новые краски дам, ты кукол покрасишь.

— Тогда не буду.

— Краски в чемодане, в правом углу, а ты дай нам скорее спички — вон они на полке лежат.

Через минуту мальчики уже грузили в челнок зажженные фонари и тащили весла.

Отчалить от берега было трудно. Ветер рвал из рук весла и прибивал челнок назад к обрыву.

Коля, засучив штаны, бродом вывел челнок на глубокую воду.

Челнок двигался медленно, хотя ребята работали веслами изо всех сил. Высокие волны с шумом разбивались о нос челнока. Дождь хлестал, ни на минуту не утихая. Кругом ни души: ни одного челнока, ни одной лодки. Только белые чайки низко летали над водой и вскрикивали, словно дивились: куда это плывут два таких маленьких мальчика по такой непогоде?

У первой куги мальчики долго кружили и не могли пристать. Наконец Саша ухватился за раму. Коля, красный от натуги, поставил фонарь.

— Есть! — закричал Саша. — Теперь только три осталось!

В эту минуту челнок крепко рвануло и понесло вниз по течению.

— Держи, держи! — вопил Коля. — На кручу несет! Разобьет в щепки!

Саша изо всех сил работал кормовым веслом. Но дождь слепил ему глаза, а ветер дул прямо в рот и не давал дышать.

И вдруг челнок сразу остановился. Ребята упали на дно и треснули лбами.

— На мель наехали, — сказал Коля и почесал переносицу. — Теперь повернем.

Со второй кугой управились скоро, а когда подплыли к третьей, заметили в челноке воду.

— Пробило дырку, когда на мель сели! Что теперь делать?

— Майкой заткнем!

— Давай!

Заткнули щель и стали руками вычерпывать воду: ковшик забыли на берегу.

Последний фонарь ребята поставили уже в сумерках, а домой вернулись совсем впотьмах. Мокрые, полуголые, с поцарапанными руками, влезли на обрыв и увидели бабушку Домаху. Бабка стояла, как истукан, и глядела в темноту, словно кого-то ждала. Она тоже насквозь промокла.

— Бессовестные! Мучители! — кричала бабка. — У деда с бабушкой горе, а они мокрые, грязные, гоняют по дождю, словно щенята! Оденьтесь скорее, не то насмерть заболеете!

Мальчики прыгали на одном месте.

— Бабушка, жарко! — орал Коля.

В это время снизу, с Днепра, ясно донесся стук пароходных колес.

Ребята замерли на месте.

— «Юный» бежит! — закричали они разом и, толкая друг дружку, кинулись в хату.

— Дед, вставай! «Юный» бежит! Скорее одевайся, мы тебе поможем!

— Куда вы, сумасшедшие? — ворчала бабка, а сама искала дедову шапку и совала ему под ноги валенки.

Опираясь на ребят, дед с трудом поднялся, выбрался на крыльцо и сел на лавочку. Саша и Коля примостились верхом на перилах, а бабка с Талечкой на руках остановилась в дверях.

Дождь совсем перестал. Ветер разогнал тучи, и в темном небе горели яркие, словно умытые, звезды.

Не отрывая глаз дед Никифор смотрел на реку, и вдруг он увидел куги: четыре маленьких красных огонька ясно мигали каждый на своем посту и освещали путь бегущему пароходу.

— Куги мои! — закричал дед. — Горят все четыре, в полном порядке! И стекла новые, отсюда вижу! Да кто же их зажег?

Саша молчал, и Коля тоже молчал, а бабка Домаху вдруг сказала тихим, ласковым голосом:

— Знаю я, кто зажег. Саша с Колей — вот кто! А я, старая, ругала их: думала, зря они по дождю бегают!

И опять стало тихо. Только громче слышен был шум парохода, и мимо обрыва, мимо деда с бабушкой и мимо ребят шел двухэтажный красавец «Юный». Весь залитый электрическим светом, он отражался в воде, и казалось, два чудесных золотых фонаря плывут по реке. Весело и дружно стучали колеса. Невидимые на палубе люди пели звонкими, молодыми голосами, и в чистом влажном воздухе было слышно и понятно каждое слово знакомой песни:

*От Москвы до самых до окраин,
С южных гор до северных морей
Человек проходит, как хозяин
Необъятной родины своей...*

Пароход благополучно миновал Ведмину косу, обошел Коровью мель и стал к обрыву кормой. Дед поднялся, снял шапку, помахал вслед уходящему пароходу и сказал:

— Добрый путь тебе! Счастливой дороги! Желаем тысячу рейсов пройти! Самых лучших, замечательных людей желаем возить!

— Дед-то разговорился! Верно, к поправке! — сказала бабка. — Пойдем, Талечка, пора нам корову доить.

И никуда бабка не пошла, даже с места не сдвинулась.

Долго еще стояли они все впятером на крыльце и глядели, как уходит «Юный». Все тише и тише стучат колеса. Все слабее светят огни. А люди на палубе поют, поют и не умолкают.

О марке

Н. Раковская

Давно существует на земле один веселый обычай — праздновать годовщину рождения. И такие праздники бывают не только у людей.

В нынешнем году, например, все страны будут праздновать рождение маленькой почтовой марки. Марке исполнится сто лет. Неужели она заслуживает такого большого праздника? Что в ней особенного, в марке? Ведь марок так много!

Марок, действительно, много. Но знаете ли вы, как они появились и кто их придумал?

Ведь у марки есть своя замечательная история. Цветной кусочек бумаги с красивыми зубчиками по краям был большим изобретением.

Почта стала служить людям в те времена, когда на земле еще не было ни школ, ни библиотек, ни театров. А первые письма были посланы, когда люди даже не умели писать.

Жарко палило солнце над египетскими и аравийскими песками. Вдоль течения рек, по горным тропам, мимо редких селений пробирались люди. Они несли зеленые ветки, стрелы, иногда звериные шкуры.

Эти люди были первыми почтальонами, а ветки, стрелы и шкуры — письмами. Ветку обычно посылал один начальник враждовавшего племени другому, если хотел сообщить, что предлагает мир. Когда же

гонiec бежал со стрелой, это не предвещало ничего хорошего.

Ученые высчитали, что почта существует уже около пяти тысячелетий.

Вот сто пятьдесят лет тому назад по почтовому тракту во Франции медленно двигался почтовый дилижанс. Издалека можно было узнать его: неуклюжий кузов покачивался на больших колесах. На высоком сиденье, возвышаясь над крышей, сидел кучер с помощником. Они были одеты в длинные сюртуки с цветными позументами и блестящими пуговицами. А крыша дилижанса была завалена ящиками и тюками.

Возвещая о прибытии почты, кучер протяжно трубил в медный витой рог.

— Почта едет! — кричали жители и спешили к станции за новыми вестями.

Только вести двигались тогда очень медленно.

Целый месяц шли письма из Москвы в Петербург. А как дорого стоила их пересылка!

Сохранилось письмо знаменитого английского поэта Байрона, которое он отправил из Греции на родину в 1828 году. В это время Байрон сражался с турками за свободу греческого народа. По штемпелю видно, что заплатить за письмо ему пришлось в сто раз дороже, чем платим мы теперь.

Дорогое и хлопотливое дело была переписка!

Сто лет назад на каждое письмо чиновник составлял подробную ведомость. По огромным картам он высчитывал, какими дорогами поедет дилижанс, сколько будет пересадок. За каждый лишний километр, за каждую пересадку чиновник брал дорожку.

Но дороги были извилистые, карты плохие.

Часто, не разобравшись, чиновник захлопнет книгу и потребует денег, сколько вздумается. Тут и начинались споры.

Не было порядка на почте.

В одних странах брали деньги с отправителя, в других — с человека, который получал письмо.

Впрочем, все равно много писем терялось в пути.

А министры и чиновники, вместо того чтобы упростить работу почты, спорили о том, сколько брать денег за письмо, и составили наконец тысячу пятьсот тарифов разных цен для всех городов и провинций.

Чиновники были очень довольны. Им казалось, что благодаря тысяче пятистам тарифам порядка на почте стали лучше. А люди еще громче бранились, выходя из почтовой конторы.

— — —

Сто лет назад, осенним холодным вечером, в Англии произошло маленькое событие, которое совершило переворот в почтовом деле. Главный почтмейстер Англии Роланд Хиль по дороге в Лондон остановился переночевать в сельской гостинице. Спустившись утром позавтракать в столовую, он увидел почтальона и молоденькую девушку. Повертев конверт в руках, девушка протянула письмо почтальону и отказалась его оплатить.

— Какая ты скупая девушка,

Мэри! — с досадой сказал старик. — Все письма жениха отдаешь обратно!

Вероятно, Хиль был добрый человек. Он остановил почтальона и протянул ему деньги, но служанка испуганно запротестовала. Когда же старик удалился, она рассказала главному почтмейстеру, что никогда не оплачивала писем жениха. Это очень дорого. Ее заработка нехватило бы, чтобы оплатить письмо. В конверте лежал пустой лист. Она только внимательно разглядывала конверт, на котором ее жених условными знаками сообщал о самом главном и нужном.

Хиль вернулся в Лондон. Но случай в гостинице не выходил у него из головы.

И через полгода он предложил изменить всю работу почты.

Хиль сказал, что не нужны дорожные карты, книги с тарифами, ведомости и квитанции. Нужно в десять раз удешевить пересылку писем и сразу отменить все тысячу пятьсот тарифов.

Значит, уничтожить всю старую почту?

Именно этого и хотел Хиль.

Вместо тарифов, карт и квитанций Хиль предложил двухпенсовую марку. Она должна была заменить все. Куда бы вы ни отправляли письмо, сколько бы ни было на его пути остановок и пересадок — на письмо наклеивается только двухпенсовая марка!

Предложение Хиль было удивительно, но просто и правильно.

Представьте, что нет у нас марки. Какая давка и ругань стояли бы тогда на почте! За сто лет появились не только новые города — открыты новые острова и земли. И теперь потребовалось бы не полторы

тысячи тарифов, а во много раз больше.

Подумайте только, как стало хорошо! Много пассажиров едет в поезде — среди них едет и письмо.

У всех пассажиров билеты в руках, и у письма билет — марка. Но что ни билет у пассажира, то другая цена, а марка стоит либо пятнадцать, либо тридцать копеек. И с таким билетом письмо может ехать и в Ленинград и во Владивосток. Всюду!

А благодаря марке пересылка писем теперь самое простое дело. Потому-то люди и устраивают в честь ее веселый праздник.

Сто лет назад в Англии вышли две первые марки. Их нарисовал Гальмерс. Через три года марки появились в Бразилии, Швейцарии, а затем и в других странах.

Сперва марки печатались на больших листах и аккуратно разрезались ножницами. Но марок требовалось все больше. Люди придумали машину, которая наносила дырочки на листы. Так появились по краям марки зубчики.

Очень давно начали люди собирать марки, но все-таки некоторые потерялись. Другие сохранились в одном экземпляре.

Какую же марку считают самой редкой?

Самая редкая марка — «Британская Гвинея». Она выпущена в 1852 году. Сохранилась лишь одна такая марка.

Красивых оранжевых и голубых марок «Остров Маврикия» осталось только семь. Столько же сохранилось и первых бразильских марок «Бычий глаз». Их прозвали так за странную форму, похожую на глаз быка.

Но нет лучше советских марок!

Они рассказывают о самых замечательных событиях нашей родины. Марки изображают любимых вождей, подвиги героев-летчиков, жизнь на льдине знаменитой четверки папанинцев, победителей-хасановцев...

Собирать марки — очень интересное дело. Тех, кто собирает марки, называют филателистами. Они есть во всех странах. Всюду есть и музеи марок. Какое их там множество! Ведь за сто лет люди выпустили около трехсот тысяч различных марок! И почти все красивые.

Рисунки И. Кеша

ГДЕ МОЙ ПАЛЬЧИК?

Н. Саконская

Маша варежку надела:
— Ой, куда я пальчик дела?
Нету пальчика... пропал,
В свой домишко не попал!

Маша варежку сняла:
— Поглядите-ка, нашла!
Ищешь, ищешь — и найдешь.
Здравствуй, пальчик!
Как живешь?

ЧУЖОЙ ДЯДЯ

Я. Тайц

Наша Маша к чужим не идет, только
к папе с мамой идет. Вот пришел к папе
знакомый, увидел Машу и говорит:

— Иди ко мне!

Маша голову опустила, глаза закрыла,
отвернулась:

— Ты чужой дядя, не пойду!

Потом дядю взяли в Красную армию.
Вот он пришел к папе прощаться. Увидел
Машу и говорит:

— Иди ко мне!

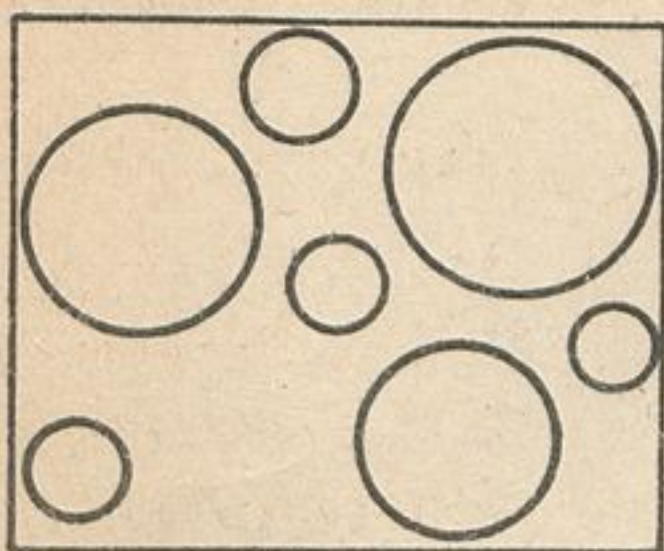
Маша смотрит: на нем шапка со звездой,
шинель с петлицами, ремни на плечах —
и пошла к нему.

Он сказал:

— Перестала чужих дядей бояться?

А Маша ответила:

— Ты не дядя! Ты красноармеец! — и по-
лезла к нему на колени.

Ребята, проведите три прямые линии так, чтобы каждый из этих семи кругов отделить друг от друга.

Я ВСЕГДА ВЫИГРАЮ

(Игра-фокус)

Видишь, я положил на стол 15 перышек. Давай играть. По очереди мы будем снимать перышки со стола до тех пор, пока не останется ни одного.

Начнем ли мы снимать с правого края или с левого — это неважно, но брать перышки можно только подряд, а не из середины.

Каждый раз можно взять одно перышко, два или три.

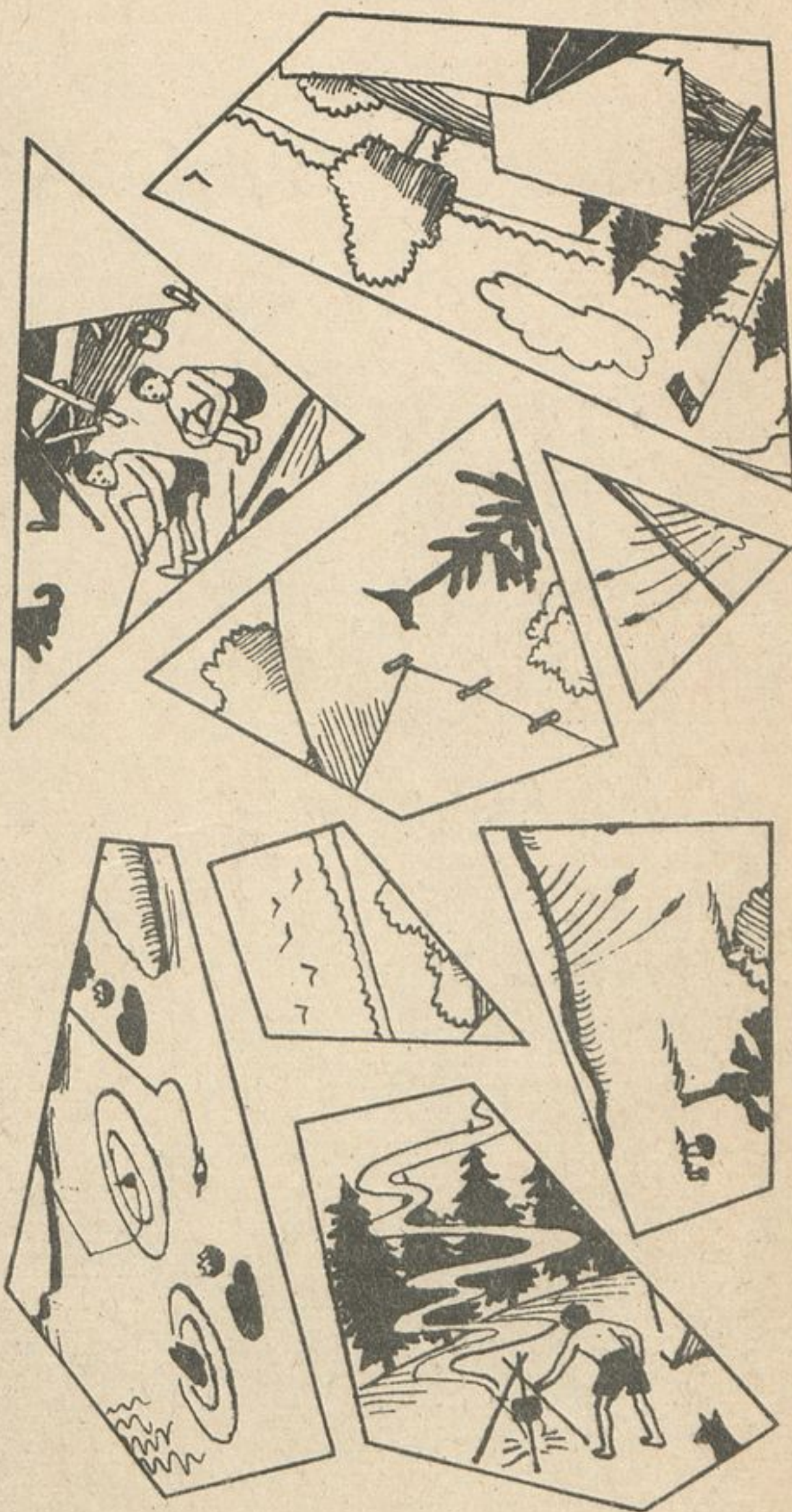
Если тебе достанется последнее перышко — значит, ты проиграл.

Теперь начнем. Можешь ты сначала взять несколько перышек, а могу и я — все равно ты проиграешь, а я выиграю.

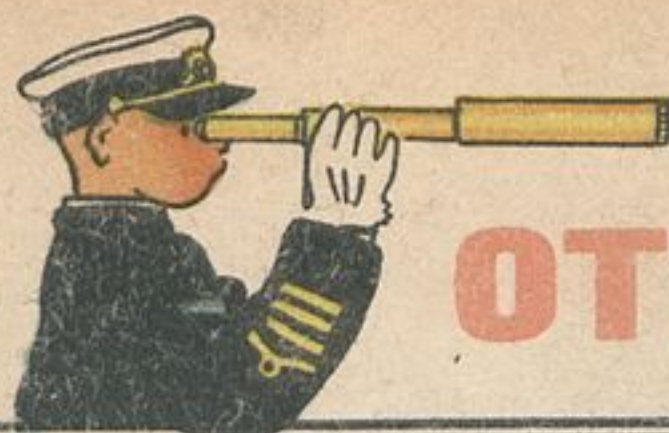
Ты тоже можешь всегда победить в этой игре любого из своих товарищей.

Для этого тебе нужно знать секрет.

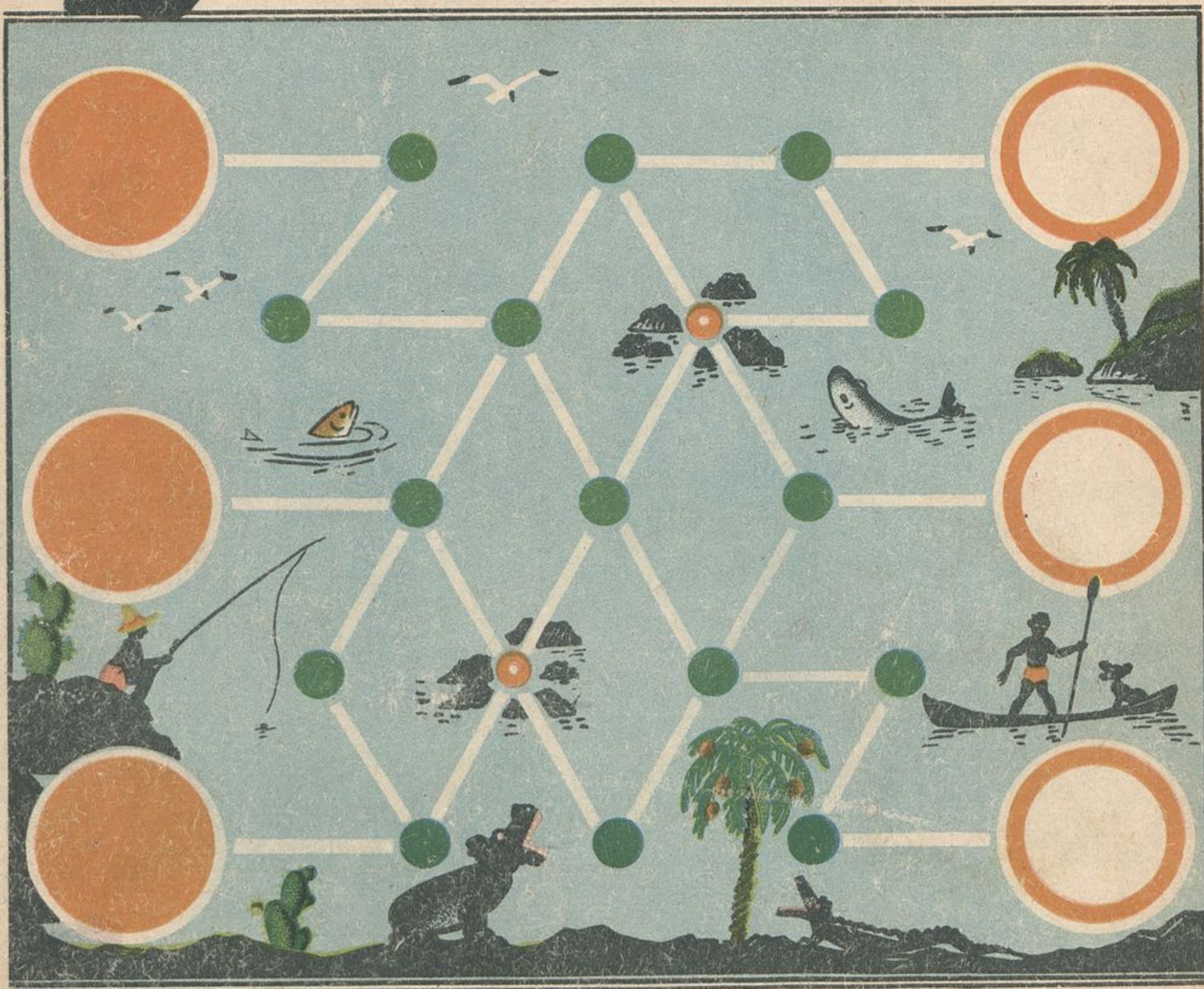
Когда в предпоследний раз твой товарищ возьмет перышко, на столе должно остаться 5 штук. Так всегда будет получаться, если ты сумеешь во время игры взять те перышки, которые занимают шестое и десятое место.

Среди листов одной из книг, побывавших в пионерском лагере, были найдены эти кусочки картин, вероятно нарисованной кем-нибудь из пионеров и потом изрезанной. Перерисуй эту картинку и попробуй восстановить рисунок, наклеив кусочки на листок бумаги.

ОТВАЖНЫЕ КАПИТАНЫ

Е. Чернышева

Рисунок В. Константинова

Рукописи не возвращаются.

Перерисуйте и вырежьте шесть пароходиков. Чтоб пароходик мог стоять и передвигаться, нужно нижнюю его часть перегнуть по пунктирам в разные стороны (смотри рисунок). Играют два капитана; у обоих по три парохода. Эти пароходы размещены в кружках по обеим сторонам моря.

Каждый капитан должен

провести свои пароходы к противоположному берегу.

ПРАВИЛА игры. Передвигать пароход можно из кружка в кружок в любом направлении, только по линиям. Каждый делает один ход. Пароход, попавший на „камни“, выпадает из игры.

Выигрывает тот, кто первый проведет свои пароходы на другую сторону.

Адрес редакции: Москва, Чертольский пер., 4. Тел. К 4-97-22 и К 0-58-77.

Редколлегия: А. Барто, М. Ильин, Л. Кассиль, С. Михалков, Ал. Толстой, Е. Яковлева.

Корректоры З. Молодык и Н. Тарасова.

Сдано в набор 22/II 1940 г. Подписано к печати 15/IV 1940 г.

Уполномоченный Главлита А-25288.

Детгиздат № 2614.

Художественный редактор В. Житенев

Объем 2,5 печ. л. Ст.-формат 93 × 120^{1/16} листа. Заказ № 83.

Тираж 250 000.

Фабрика детской книги Изд-ва детской литературы ЦК ВЛКСМ. Москва, Сушевский вал, 49.

20 МАЯ 1940